

не исключает необходимости исторического (в широком смысле этого слова) исследования данного материала и выделения в нем различных эпических традиций, ареалов эпической общности и различных стадияльно-типологических формаций в тесной связи с обстоятельствами известной нам истории отдельных племен, племенных групп и народов, их географических перемещений и этнокультурных связей. Напротив, именно после работ В. М. Жирмунского следующим шагом должно быть столь же широкое, обобщающее исследование тюрко-монгольской эпики Центральной Азии и Сибири, естественно, с учетом специфики данного материала.

Трудно переоценить общее значение этих трудов. Они обогатили фольклористические дисциплины теоретико-методологическими построениями, сделанными на материале не знающих себе равных по богатству, разнообразию и монументальным масштабам тюркских эпических традиций, сохранившихся в живом бытовании до нашего времени. Последнее обстоятельство немаловажно, так как основы эпосоведения закладывались на базе изучения древнейших письменных памятников, и кардинальная перестройка старых взглядов на народное эпическое творчество, как это подчеркнуто и В. М. Жирмунским (стр. 632), стала возможна лишь после открытия и исследования живых эпических традиций — у народов славянских, кавказских, тюркских, монгольских. Тюркский эпос по своим художественным достоинствам, по широте диапозона представленных в нем стадияльно-типологических формаций занимает среди них одно из важнейших мест.

В заключение хочется отметить чрезвычайно удачный состав и композицию рецензируемого тома. Как уже было сказано, в него вошли далеко не все тюркологические исследования В. М. Жирмунского — отобраны только наиболее ценные и важные. Сделано это таким образом, что вся книга в целом совершенно не выглядит простым сборником работ; включенные в нее труды укладываются в стройную логическую последовательность, представляя собой как бы части и главы одной монографии, поражающей не только охватом поистине необъятного материала, но и удивительным теоретико-методологическим единством его рассмотрения, строгой согласованностью концептуальных построений и выводов. Это и естественно. В. М. Жирмунский был исследователем не отдельных памятников, образцов или фольклорных традиций, но всей тюркской эпики в целом, идущим через доскональное изучение материала к такому уровню синтеза и обобщения, который доступен лишь ученым его класса и масштаба.

С. Ю. Неклюдов

И. Земцовский. Мелодика календарных песен. Л., 1975, 224 с.

В современной науке пока еще редки исследования, которые бы органично и с одинаковой глубиной охватывали все главные стороны песенно-фольклорных жанров — этнографические связи, идейно-поэтическое содержание, музыкальную природу. Рецензируемая книга привлекает внимание в первую очередь отчетливым стремлением именно к такому охвату: автор ее соединяет в себе фольклориста-этнографа и этномузыковеда. Календарный песенный фольклор для него — единство функционально-бытового, поэтического и музыкального начала, глубоко специфическое явление народной трудовой практики, системы представлений, музыкально-словесной художественной культуры. Такое понимание не просто декларируется, а определяет методические принципы, построение книги, отношение к источникам.

Рецензируемую книгу отличает последовательный интерес к большим теоретическим проблемам и особое внимание к методологическим аспектам. Однако меньше всего ей присуща теоретическая отвлеченность, напротив, — она радует читателя обилием фактов, живых примеров, ссылок на конкретные тексты. В книге дается последовательная и целостная характеристика отдельных обрядовых циклов, праздников и системы годового календаря в целом и, естественно, связанного с ними фольклора. Особенно надо отметить библиографическое приложение (более тысячи названий); в сущности, это первый у нас наиболее полный указатель европейской литературы по обрядовому фольклору.

Одна из главных задач книги — выявление закономерностей «музыкального мышления», того, как оно проявляется в мелодике календарных песен. Эти закономерности справедливо включаются в более широкий круг отношений, связанных с возникновением, развитием, функционированием обрядового фольклора в целом. С точки зрения автора книги, большие и эффективные возможности для выявления закономерностей и проникновения в суть конкретных фактов обрядового фольклора содержатся в современном сравнительно-типологическом методе. Рецензируемый труд, несомненно, обратит на себя внимание как чрезвычайно успешный опыт развития принципов сравнительно-типологического изучения фольклора. Автор рассматривает такие важные методологические вопросы, как соотношение генетических и типологических аспектов исследования, общее и специфическое в типологически соотносимых явлениях, типология и контактные связи и др. Особое значение приобретает вопрос об отборе сравнительного материала, который

в количественном отношении почти не поддается учету. И. И. Земцовский преимущественно анализирует факты, касающиеся славянского фольклора и фольклора «основных европейских соседей» славян. В плане общеметодологическом этот принцип не кажется бесспорным: ведь типологические отношения, в том числе и типологическая общность, вовсе не предполагают этнического соседства и взаимных контактов. Они основываются на иных началах и могут обнаруживаться в весьма удаленных географически и исторически друг от друга пунктах. Может быть, за «соседством» славянских, балтских, финно-угорских и других европейских народов стоит нечто большее, что делает неизбежным и продуктивным сравнительно-типологическое исследование их обрядового фольклора?

Во всяком случае, книга в целом и особенно ее Предисловие содержат много актуальных теоретических положений и высказываний, дискуссия вокруг которых будет способствовать развитию историко-типологического метода в современной фольклористике.

Невероятная трудность музыковедческого исследования обрядового фольклора объясняется, кроме всего прочего, как гигантским объемом привлеченного материала (сам автор, не уточняя числа, называет «несколько десятков тысяч календарных напевов разных народов Европы, в первую очередь восточных и южных славян», стр. 19), так и тем, что весь этот пестрый материал до сих пор не только не изучен, но даже и не систематизирован. По русской календарной песенности, например, нет ни общих работ, ни монографических исследований диалектных стилей, ни даже сводной библиографии. Записей календарных напевов мало, причем опубликованы они далеко не полностью — значительная часть находится еще в архивах и частных коллекциях.

Автор видит свою задачу отнюдь не в том, чтобы дать «сколько-нибудь исчерпывающий анализ музыки календарного фольклора... затрагиваемых в книге народов», а в том, чтобы «вскрыть некоторые существенные закономерности мелодики исследуемого типа, которые в принципе могут быть иллюстрированы разноэтническим материалом» (стр. 18, 19). Опираясь в первую очередь на методические принципы В. Я. Проппа, автор отказывается от сплошного описания материала. Он выделяет и рассматривает те песенные формы и «их существенные элементы, которые служат сквозными для годового календарного цикла и связывают данный цикл с другими песенными жанрами» (стр. 10). Единство «музыкального словаря» календарных напевов блестяще доказывается и подтверждается на протяжении всей книги, по мере того как автор пропускает сквозь «типологические сита» громадный по объему и пестрый по составу материал, последовательно рассматривая его по годовому кругу, от зимних коляд до осенних живых песен. Особо следует выделить цикл жатвенных песен, завершающих обрядово-трудовой год земледельца, — именно в этом цикле, по утверждению автора, «словарь» календарной песенности представлен почти в исчерпывающей полноте» (стр. 156). Систематически демонстрируемые типологические параллели и схождения русских и общеславянских мелодических типов с календарными напевами иноязычных народов Европы дают автору полное основание утверждать: «Перед нами постепенно вырисовывается не что иное, как музыкальный «словарь» древнерусской песенности, связанный со словарем других европейских народов. Ни один календарный праздник, взятый изолированно, по имеющимся сегодня материалам, не может дать представление о всем музыкально-словарном богатстве календарных песен... На протяжении хозяйственного года народ говорит о своих нуждах на одном, едином языке, пользуется одним, единым музыкально-интонационным словарем» (стр. 156).

Музыкальные связи календаря с другими песенными жанрами, естественно, не могли быть рассмотрены с такой же полнотой и последовательностью, однако автор постоянно учитывает и по возможности показывает их взаимодействие. Особо выделены связи календарных напевов со свадебными, чему посвящено фактически все заключенные работы («Взаимосвязи и параллели»).

Первостепенное значение имеет предложенная И. И. Земцовским методика анализа фольклорного мелоса. О принципах ее говорится и в предисловии, и в послесловии. Разумеется, выработка аналитического метода и последовательное его применение к конкретному материалу — одна из наиболее сложных задач, стоявших перед автором. Единой развернутой теорией и метода анализа русских календарных напевов (кроме некоторой систематизации ладо-звукорядовых схем-проекции) в музыковедении не было. Автор рецензируемого труда впервые предложил достаточно стройную систему категорий, понятий и аналитических приемов, позволяющих всесторонне проанализировать и вскрыть некоторые общие закономерности специфической мелодики календарных песен. К наиболее важным в авторской концепции следует отнести понятия «ладовая формула», «ритмическая формула» и «мелодический тип», определяющие иерархию музыкально-песенной структуры как в каждом конкретном случае, так и при более широком типологическом подходе. Традиционность первых двух понятий только кажущаяся, так как в отношении всех трех структурных уровней действует специфически фольклорная закономерность, которую автор называет «интонационным полем» — «закономерность, определяющая специфическую природу реализации всех элементов и компонентов музыкальной формы в фольклоре, их принципиальную мобильность, и в то же время указывающая предел этой мобильности» (стр. 21). Хотя сама эта идея представляется весьма перспективной и безусловно новаторской, практическая «технология» анализа требует, на наш взгляд, моментами более тщательной и существенной проработки. Так,

например, к метрической структуре троицких песен, в напевах которых, вопреки общей закономерности, не обнаруживаются повторяемых ритмических формул, автор пытается применить понятие интонационного поля, а также метод «микрометрического анализа» с целью аналитическим аппаратом. Однако в процессе анализа напевы песен постепенно ускользают, они упоминаются лишь попутно и в общем виде. Заканчивает же автор свой анализ проблемой «свободы выбора» и указанием на вариантную природу музыкального фольклора вообще. К тому же и сами аналитические термины недостаточно четки, так что терминологический «инструментарий» для анализа, да еще принципиально нового по методике, оказывается слишком громоздким и расплывчатым, и не всегда по тексту ясно, какие именно конкретные явления имеются в виду (см., например, стр. 61, 89, 117, 119, 126, 127).

Одна из центральных идей автора, безусловно заслуживающая поддержки, — определяющая роль манеры исполнения, которая «служит одним из многих связующих звеньев между обрядовой функцией и музыкальной структурой песни» (стр. 160). Можно заметить, что признак этот в различных местах книги получает достаточно разные по смыслу определения — «стиль исполнения», «исполнительский контекст», «тип интонирования (шестье, приплясывание, закливание, зов и т. п.)», а кроме того, включает в себя интонирование нейтральных интервалов, особенно терции, и специфические «гуканья» (стр. 88, 89, 136, 137 и др.) или даже разные мелодии тождественного ритмического строения как результат «разностилевого прочтения одной стереотипной формулы» (стр. 49, 68).

Эти замечания имеют, однако, частный характер и скорее свидетельствуют о дискуссионном характере книги, многие разделы которой вызывают желание поспорить с автором, проверить, развить или уточнить некоторые его положения и гипотезы.

Последний упрек адресован уже не автору, а издательству «Музыка». По количеству проработанного и систематизированного нотного материала книга могла бы оказаться ценнейшим источником для музыкально-фольклористических исследований. Увы, этот материал почти наполовину «закрит» для читателя и «работает» в полной мере только на автора. Мы вынуждены часто верить ему на слово. Дело в том, что издательство отказалось печатать подтекстовки в нотных примерах, сделав исключение только для 30 из 600! Разобраться в анализах поэтому чрезвычайно трудно, хотя автор иногда и пытается помочь читателю, приводя соответствующие песенные тексты в скобках или в сносках. Трудно понять логику издательства, выпустившего в таком виде первый капитальный труд, посвященный мелодике народных песен, а не инструментальных наигрышей.

В книге высказано немало плодотворных идей, подчас далеко выходящих за рамки календарного фольклора, например о связи ритмо-интонационных структур с различными типами движения, сопровождавшего исполнение песен; о соотношении диалектных и наддиалектных свойств фольклора; об историческом и генетическом соотношении и степени устойчивости разных типов ладовых и ритмических формул; о специфике «функциональной семантики» в календарных напевах; о возможности на фольклорно-музыкальной основе получения некоторых выводов «из области этнической истории русских, болгар и ряда поволжских народов» (стр. 123) и т. д. Что касается собственно календарных песен, то, заканчивая анализ напевов годового круга и показывая его многочисленные внутренние взаимосвязи, автор тут же ограничивает этот анализ выходами к песням семейной обрядности и указывает на перспективы дальнейшего изучения «календарной мелодики в истории народной музыки вообще, взятой как целое» (стр. 169).

Книга И. И. Земцовского — итог его многолетней работы в области европейского обрядового фольклора. Вместе с тем это и существенный этап в современном, основанном на новейшей фольклористической теории и на вдумчивом методологическом поиске исследовании закономерностей одной большой системы фольклорных жанров.

После хорошо известных фундаментальных монографий В. И. Чичерова и В. Я. Проппа, во многом определивших новые пути в исследовании календарного обрядового фольклора народов Европы, интерес к этой теме сильно возрос, и только за последние годы появился ряд исследований, публикаций, сборников и статей, существенно продвинувших ее изучение. Вышли сводные издания по календарным песням в составе серий памятников белорусского и украинского народного творчества; вместе с антологией русских календарных песен, подготовленных И. И. Земцовским и изданных в большой серии «Библиотека поэта», эти книги составляют весьма содержательную библиотеку восточнославянского календарного песенного фольклора. Из исследовательских работ можно назвать здесь коллективный труд Института этнографии АН СССР «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX — начала XX в. Зимние праздники» (1973 г.); сборник «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор» (1974 г.); книги по молдавской календарной обрядности (Ю. Поповича) и белорусским купальским песням (А. Лиса); статьи, опубликованные в журнале «Советская этнография» (С. А. Токарева, Т. А. Колевой, Р. Д. Дражевой и др.). В этом ряду значительное место займет теперь монография И. И. Земцовского.

В. А. Лапин, Б. Н. Путилов